

Моя комсомолка. - 1998
Зонт - 0.2

Ольга Александровна, вы учились в цирковом училище. Скажите, что вы умеете делать такого, что не под силу вашим коллегам — драматическим артистам?

— Умею стоять на голове, простояла полжизни, как говорится, на трех точках. Умела делать мостик. Сейчас не могу, а еще недавно очень даже получалось.

— **А по проволоке ходили?**
— А как же — это мое любимое занятие. Махала белой ногой. Лучше всего в цирковом училище у меня шла проволока и жонглирование. А вообще всю жизнь я мечтала быть наездницей: лошадей люблю. В детстве за границей занималась конным спортом. Видела себя в пелеринке с блестками на лошади. Но лошадей всех на фронт забрали в 41-м году.

— **А позже — в кино и театральной жизни — цирковая выучка помогала?**
— Конечно, я была человеком тренированным. Трюки могла сделать любые. Троллейбус я водила, на мотоцикле сама ездил. Не боялась физических нагрузок.

— **В фильме "Старики-разбойники" вы с Никулиным "в натуралку" бегали или только изображали забег на длинную дистанцию?**

— А неужели ж нет? Натурально. Это был большой пробег по ночному Львову, я стреляла холостыми зарядами. Открывались окна, и люди, привыкшие к социальным переменам, кричали сверху: "Как? Уже началось?" Никулин же наш — цирковой, тоже тренированный. Однажды я пришла к нему в цирк, где снималась обо мне передача, и попросила его снять эпизод на манеже. "Что у нас на манеже, — спросил он, — слоны? Пошли". Ну пошли. "Ты же цирковая, — говорит он мне, — встань рядом с ним можешь?" Я встала, и представляешь эту махину надо мной? Испугалась жутко. Юрочка сказал: "Ты даже вся побелела". Потом кормила этого слона. Я вообще люблю цирк, его запах. Цирковое братство очень воспитывает: ведь люди завязят друг от друга как нигде. В театре ну не скажет партнер реплику — что случится? А в цирке ошибется акробат на сантиметр — и все, пропал человек.

— **Для меня всегда была загадка: клоуны — это дети или, наоборот, умудренные старцы?**

— В "Стариках-разбойниках" Никулин по фильму должен быть седым. А у него тогда были черные волосы. И вдруг я вижу, что из-под парика у него торчат отросшие волосы, и, о мама родная, седые. Я спрашиваю: "Юрочка, зачем же вы краситесь? Отпустили бы свои седые на картину — и не нужно парик надевать". — "Но ведь я еще работаю в цирке. А в цирке я не могу с седыми волосами работать". — "Почему?" — не поняла я. "Если дети над старостью станут смеяться, это ж совсем другой смех будет".

— **А вы-то могли стать клоунессой?**

— Мечтала, мечтала. Но я не видела хороших клоунесс: выходят какие-то тетки, вякают, кривляются. Что же, мне такой быть?

— **Вы — дочь "врага народа" — Александра Аросева, известного дипломата. Вам никогда это не припоминали и не портили жизнь, карьеру?**

— Я работала в той сфере, где уж так чересчур испортить жизнь было нельзя. Ну звание задерживали, — "заслуженную артистку" — я получила в 50 лет. Ну за границу долго не пускали. В свое время спасло, может быть, то, что мама давно разошлась с отцом, с которым мы с сестрой жили. Тогда мы перешли к ней. Она на коленях умоляла власти нас не трогать: "Я воспитаю достойных советских людей", — клялась она. Нас не тронули. Старшую сестру хотели исключить из комсомола, и она отрекалась от отца. Я ее потом била за это, хотя она на семь лет старше меня. Но она, надо отдать ей должное, не сопротивлялась. И в 41-м году поехала добровольно на фронт переводчицей с немецкого, который хорошо знала.

— **А вы вынуждены были отречься? Теперь вас никто не осудит.**

— А я и не была комсомолкой. В 14 лет, когда время пришло вступать в комсомол, мне сказали, что примут, если я скажу: "Я, дочь врага народа, отрекаюсь от своего отца и никакого отношения к нему не имею, осуждаю его...". Я сказала: "Не буду. Мой отец ни в чем не виноват". Меня и не приняли. После ареста отца мы в доме на набережной потеряли 4-комнатную квартиру, полную книг, картин, вещей. Квартиру запечатали и нам только разрешили взять кое-какие вещицы по списку: платица, кофточки. Даже золотые часы не взяли — мама боялась.

Тайна №1

— **А когда же вы успели, Ольга Александровна, посидеть на коленях у Сталина?**

— Ну я и не на коленях у него сидела. Я могу дать вам "Комсомольскую правду" от 35-го года, где есть мое первое в жизни интервью по этому поводу. Я это в книжке пишу. Может, не стоит рассказывать?

— **Не надо тайн. Рассказывайте, как дело было.**

— Шел 35-й год, 12 июня — День авиации. Отец нас взял с собой на Тушинский аэродром, где никаких трибун в то время не было. Прошли все вожди, и тут Сталин оглянулся: "Что ж это такое — большие встали, а маленьким ничего не видно? Сколько тэбе, дзвочка, лет?" — вдруг спрашивает меня. "21 декабря будет 10 лет", — отвечаю. "Смотри-ка, мой ровесник". А потом: "Иди сюда", взял меня за ручку и провел. Нет, страха не было, просто я замкнулась и односложно отвечала. Когда парашютистки преподнесли цветы Сталину, он обратился ко мне: "Позвольте вам, Оля, преподнести эти цветы" и добавил: "Приходи ко мне, вместе праздновать день рождения будем".

— **И вы...**

— И я, ни слова не сказав, купила огромную гортензию в горшке, попросила запаковать ее хорошенько, (холодно и мороз 21 декабря стоял жуткий) и двинулась в Кремль с гортензией наперевес. Как же — звали ведь, нехорошо не пойти. В будке у входа в Кремль меня схватили, бумагу рвали. "Там цветок! — кричу. — Я к товарищу Сталину, он меня пригласил". Охранники тыкали землю, цветом мой вырывали и смотрели, нет ли под ним бомбы или чего-то еще. Потом они позвонили и уже расслабленно сообщили мне, что, мол, Иосиф Виссарионович благодарит, но занят и не может принять. "Привет и поздравления ему. С пионерским приветом Оля Аросева", — выпалила я и пошла домой.

— **Это правда, что про вас рассказывают: когда артисты уезжают с вами на левые концерты, администраторы...**

— Ну-ка, ну-ка, что там про меня рассказывают?

— **То, что вы можете практически пасть поврать администраторам, если артистам не**

заплатят, если их обманут. Правда?

— Ну пасть порвать я вряд ли могу, но, во всяком случае, я научилась с ними разговаривать. Среди них многие жулики. Часто ругают актеров, что, мол, они сволочи жадные, требуют деньги вперед, но их научили такими быть. В Одессе, я помню, мы играли спектакль. Подходит администратор, и я чувствую, что он начинает критиковать: "Понимаете, такое положение, Минфин, налог, тыр-пыр". Я все это слушаю. А он продолжает: "До вас был Куклачев с кошками, и мы не смогли ему заплатить..." Я на него внимательно смотрю: "Дорогой мой, у Куклачева — кошки, а у меня — народные артисты голодные. Если они в тебя вцепятся, тебе будет плохо".

— **Вы действительно такая крутая или это имидж?**

— Нет. Я на обаянии работаю.

— **Значит, если позанимаетесь в темном переулке вас встретит бандоган...**

— Я все снимаю с себя. Не буду сопротивляться. Тут

ботой — все было. Все как-то разладилось, а потом как-то само собой наладилось.

— **Все-таки вы что-то не договариваете. В трудные минуты жизни вы всегда могли заработать на хлеб?**

— Да. Моя тяжелая жизнь — трудное детство, война, голод — выработала во мне приспособляемость к жизни. У меня никогда не было богатых мужей и богатых любовников. Я всегда все делала сама. Я за эти десять лет театрального простоя столько денег заработала. Дачу построила. Я столько ездил, столько снималась.

— **Странное дело — у вас имидж женщины с богатыми, в крайнем случае состоятельными любовниками, которую любят представители генералитета.**

— Хотелось очень, но таких не было. И генералы меня любили. Но я не заводила с ними знакомства. Мне все нравилась шпана, пьющая актерская братия — романы были в этой области. Я имела доста-

за границей захожу в магазин: "Эх, вот этого бы надо купить, да еще вот этого к тому, чего нету, но обязательно будет". А потом думаю: "Вот когда мне не захочется этого купить, вот тогда будет конец". Пусть хочется и купить, и встречаться, и увлечься.

Тайна №3

— **Вот с этого момента, пожалуйста, поподробнее — насчет увлечения. Когда вы последний раз влюблялись?**

— Я все время влюбляюсь. Мне нравится Ален Делон. Вот все-таки мужик красивый. Что ж я буду рассказывать в печати то, что никому не рассказываю.

— **Еще одна тайна. Иначе поставлю вопрос — не спрашиваю, в кого. Но когда последний раз это было — лет десять назад?**

— Почему? Не десять лет назад, много позднее. Но есть вещи, которые в моем возрасте звучат непристойно.

— **Не знаю, что может быть непристойного, если это красиво?**

— Не буду теории разводить. Скажу лишь, что не утратила чувства восхищения ни красотой, ни мужскими достоинствами, ни встречами.

— **Но ведь есть одна вещь, о которой знают немногие, — ваш потрясающий роман с драматургом Арбузовым. Он потрясающ тем, что почтовый.**

— Я не могу об этом рассказывать. Ну хорошо, от тебя, я вижу, не отвязаться. В моих воспоминаниях остались мужчины, которые кроме своей влюбленности произвели на меня творческое впечатление. Например, с 12 лет я дружу с известным художником Ромадным. В мои 19 лет в Ленинград, где я работала в Театре комедии у Акимова, приехал известный драматург Алексей Арбузов. Ему было 40. Я влюбилась с первого взгляда. Я репетировала в его пьесе "Встреча с юностью". Все это будет в моей книге.

— **А он-то влюбился?**

— Думаю, да. Уехал и стал мне писать письма е-же-днев-но. Е-же-днев-но. Он писал до востребования: я же была замужем, и у него — семья. Писал год. Мы были как Тургенев с Виардо.

— **В конце концов мог бы сесть в "Стрелу" и приехать.**

— Ну он и приезжал. И я ездил в Москву. Но писал каждый день. Что делал, что произошло с ним без меня.

— **Драматург писал год письма артистке. Что же он для нее пьесу не сочинил?**

— Почему ты думаешь, что не сочинил? Нет... не сочинил.

— **Вот сейчас, простите, вы врете.**

— Он сочинил пьесу, где героиню назвал Ольгой. Это "Годы странствий". Но без посвящения.

— **Скажите, а вы, комическая, острохарактерная актриса, могли бы трагическую роль сыграть?**

— Да. И только сейчас. Потому что уже есть багаж жизненного опыта. Этого в молодые годы не было, потому что я довольно легкомысленно и сумбурно прожила жизнь. И, очевидно, сейчас накопилось то, что я могла бы показать. И что я и пытаюсь в последних своих работах: есть спектакль "Нет ли у вас другого глобуса?". В "Как пришить старушку" у меня тоже не просто смешная бабулька. И вот сейчас в пьесе "Афинские вечера" Петра Гладиллина я играю урожденную графиню Расопчину, отсидевшую 17 лет. Я очень знаю таких людей. Эта роль — крутой замес на трагической основе.

— **Если честно, то я не могу себе представить вас плачущей.**

— Знаешь, я должна тебе сказать, я действительно в жизни плачу очень мало. Когда я была на гастролях в Риге, у меня сгорела дача. Первым самолетом я вылетела. Когда ехала на пепелище, думала: вот сейчас предоставляется возможность сыграть эту роль по Станиславскому — как себя вести в предлагаемых обстоятельствах. Думала: что надо запомнить, что в первую очередь я буду делать — плакать, рыдать? И что ты думаешь? При виде сгоревшей дачи меня стало рвать. Я не рыдала и не причитала: "Ой, моя дача!". Меня выворачивало. С тех пор я не выношу запах гари. Так что я не плачу, я никогда не плачу, есть у меня другие интэрэсы. А ты посмотри на людей, которые возвращаются из ссылки. Разве они плачут? Для меня самое интересное в искусстве — это трагифарс. Фарс, превращенный в трагедию, и трагедия — в фарс. Сложнейший жанр, который полна наша жизнь.

— **Вот, кстати, о нашей жизни. Вам не страшно сейчас жить?**

— Я видела все, дорогая моя. Меня обворовывали, растаскивали имущество и угрожали жизни вожди всех времен и народов. И когда отца арестовали, и когда стала дочерью "врага народа". Мне уже не страшно, потому что я долго жила и много видела. Мне страшно как раз за юное поколение. И не из-за того, что колбасы не будет. Мне страшно то, что они живут в ощущении несправедливости, незащищенности, нестабильности. Вот посмотрите, какие преступления происходят. По степени их жестокости определяется состояние общества. А степень жестокости — адская.

— **А вы продолжаете играть в преферанс?**

— Не с кем, к сожалению. В Сатире мы играли с Пельтцер и Токарской. Они умерли. Очень скучаю без преферанса. Мы собирались у Пельтцер, и это был целый ритуал. Специально вызывалась женщина, которая пекла треугольнички к чаю, делала закусок. После пулечки — выпивали. Потом опять садилась за стол, на мизере кого-нибудь ловили. Снова выпивали. И так на всю ночь. Пельтцер ворчала: "Вот хамы, все ко мне таскается, хоть бы к себе раз пригласила". — "Да у меня неудобный стол, Татьяна Ивановна", — говорила я, на что Пельтцер каждый раз обещала завезти мне два своих ломберных столика. "Да вы сейчас, при жизни отдайте. Вот я и буду вас приглашать".

— **Чему вы завидуете?**

— Я завидую очень балеринам. Кажется, все на свете отдали бы, чтобы вылететь лебедем в прыжке. И еще завидую дирижерам.

— **Чего вы не умеете на сцене?**

— Я все умею. Все-все. И на голове могу постоять.

— **Вы азартный человек?**

— Думаю, да.

— **Чего тут думать. И так все ясно.**

— **Р.С. В ближайшее время в изд-ве "Центрполиграф" выходит книга Ольги Аросевой "Без грима".**

Как только я собралась записать ее адрес и переспросила номер дома — "Значит, 21-й?", — она тут же закричала: "Да это же просто запомнить — как очко!" Тут-то я и поняла, с кем имею дело. Азартность ее натуры, которая обязательно выпирает в жизни, на сцене, в любви, не утаить, как шила в мешке. И более азартного человека, чем Ольга Аросева, в нашем театре представить трудно. Похоже, это качество не скрыть, как седину химическими красителями. При этом как всякая азартная личность Аросева имеет свои тайны.

ТАЙНЫ ПАНИ МОНИКИ

обаяние не пройдет. К счастью, у меня темного переулка не было, но был другой случай. Однажды я на своем "Бьюике" приехала с дачи на спектакль "Как пришить старушку". И никаких у меня секретов, сигнализации не было. Играть не могу — думаю, как он у меня там стоит. И вот я в эти старушечьих лохмотьях выбегала каждую минуту и дергала ручку дверцы. Так вот, какой-то мужик пришел к нашей дежурной на служебный вход и сообщил: "Там стоит аросевский "Бьюик", и какая-то старуха-бомжиха все время дергает за ручку".

Тайна №2

— **Интересно, что же все-таки произошло в Театре сатиры, в результате чего вы 10 лет не входили на сцену?**

— Ишь ты! Я все думала, когда ты спросишь. Понимаешь, театр — это как длительный брак (а я в театре 50 лет). И бывают периоды охлаждения, ссоры, несовместимости. Так случилось у меня с Валентином Николаевичем Плучаком — размоляка на 10 лет.

— **Опять темните? Просто так, на пустом месте, ничего не бывает. И обаяние не сработало?**

— А я не пыталась. Не пыталась. Просто расхождение. Какое-то время, не имея ролей в Сатире, играла на Малой Бронной. Очень много снималась, очень много ездил. Пустота, конечно, но я была принципиальна в этой размоляке.

— **Скажите честно — отказали главе режиссуры?**

— Отказала. Но он не домогался.

— **Если это не диван начальника, то что вас заставило пойти на принцип. Вас, уже известную актрису?**

— Стопроцентно не диван. Почему ты не веришь в охлаждение в "семейной" жизни: я ему перестала нравиться как актриса, он мне как режиссер. Амбиции, обиды, самолюбие, неудовлетворенность ра-

точно большой успех, но я этим никогда не пользовалась.

— **Почему? Это же так приятно выжимать последнее из мужчин?**

— Ну, мне казалось, что человек подумает, что я с ним не потому, что он мне нравится, а потому, что я хочу от него что-то поиметь. Это меня тормозило. Нет, не жалею об этом. Рада, что я сама по себе, что я сама организовала такую жизнь, какую смогла, и я ею довольна. Я никогда не мечтала о бриллиантах, о соболях...

— **Но за вами тянется шлейф такой благополучной дамы в соболях, как пани Моника...**

— Тянется. Но как! Встречаю мужчину, вроде пожилого с проседью, а он мне говорит: "Ой, я ребенком вас смотрел в "Кабачке". Сколько ж мне лет?"

— **Вы лучше скажите, что позволяет вам не скуцать от жизни. Может, вы на дискотеки ходите? Или с концептуальной молодежью дело имее-те?**

— Нет. Это даже смешно. Новые тряпки люблю. Особенно сочинять их. Вот мы когда с Галей Волчек были на Кипре, мы сочиняли с ней костюмы для моего юбилея. Накупили всякие ткани, обсуждали, как сделать вышивку, что куда. Хотя я с женщинами не очень контактуя (Галюня Волчек — исключение). Их все время, если ты замечала, гложет дух соревнования. А мужики как-то поспокойнее. Больше с мужчинами дружу.

— **Не с гомосексуалистами случайно, которых в женской среде называют лучшими подружками? Что совершенно справедливо.**

— О нет! Они милые, неплохие люди, но я имела в виду других — натуралов из натуралов. У меня совершенно нет брюзжания на молодых. Я понимаю их современную жизнь и не чувствую одряхления души. Я иногда смотрю в свой шкаф и думаю: "Боже, я же этого всего не переносу до конца дней". А